

СПЕЦНАЗ **ГРУ**
БОЕВЫЕ РОМАНЫ СЕРГЕЯ ЗВЕРЕВА

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

「 ПЯТНАДЦАТЬ
ЛЕТ
МОЛЧАНИЯ 」

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Пятнадцать лет молчания / Сергей Зверев. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248633-3

В начале 2000-х в районе Новой Земли по невыясненным причинам погибла группа военных специалистов под руководством полковника Захарова. Сам Захаров выжил, но вынужден был молчать о случившемся...

Наши дни. В районе Карского моря совершено нападение на военный транспорт, перевозивший секретный комплекс связи. Важный груз похищен. Поиск и ликвидация налетчиков поручены группе спецназа ГРУ майора Игната Калинова. Он еще не знает, что противник, совершивший этот дерзкий акт, — его бывший наставник Захаров. Полковник решился на преступление, чтобы привлечь внимание к тем давним роковым событиям, погубившим экспедицию военспецов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248633-3

© Зверев С.И., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Пятнадцать лет назад.
Архипелаг Новая Земля

Ветер здесь, казалось, рождался не из воздуха, а из ледяного безмолвия, что простиралось до самого полюса. Он не свистел — он выл, низко и протяжно, словно сама планета скорбела о чем-то безвозвратно утраченном. Это был звук абсолютного нуля, звук конца мира. Белая мгла — не снег, не туман, а нечто среднее, взвесь из микроскопических ледяных игл — пожирала небо и землю, сокращая видимость до трех метров, а Вселенную уменьшала до размеров собственного противогаса ГП-7 В.

Именно в этой каше, в этой ледяной суспензии и застрял тогда Дмитрий Захаров.

Его отряд, восемь человек, вмерз в склон безымянного плато, как мухи в янтарь. Операция «Снежный щит». Звучало громко. На деле — рутинная, с точки зрения стратегов из теплых кабинетов, проверка нового арктического обмундирования «Ратник-

Арктика» и навигационной системы «ГЛОНАСС-К» с планшетом «Эльбрус-4 С» в противоударном кейсе «Броня-Компакт».

Но «ГЛОНАСС-К» час назад захлебнулась и умерла, выдав на экран тактильного планшета «Эльбрус-4 С» Захарова последнюю, насмешливую надпись: «СБОЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ. ПОИСК СИГНАЛА».

Они были слепы и глухи.

Захаров приник к прицелу на СВДС, но видел лишь белую кипящую стену из снежной взвеси. Температура упала до отметки в минус сорок пять градусов, и металл СВДС, казалось, прожигал рукав специального арктического камуфляжа «Горка-Арктика» даже через утепленную перчатку. Дыхание, вырываясь из-под маски ГП-7 В, мгновенно превращалось в ледяную пыль, оседая инеем на шерстяной балаклаве «Маска-Норд».

— «Пульс», я — «Вулкан». Прием. — Его голос, искаженный радиопомехами и ветром, был последней попыткой докричаться до мира живых через УКВ-станцию. — Повторяю: «Пульс», я — «Вулкан». Навигация мертва. Уточните координаты. Какова наша цель?

В ответ — лишь шипение космического холода, сливавшееся с воем ветра. Эфир был пуст. Мертв.

«Красуха-4 М» — портативный комплекс РЭБ — глушил все волны в радиусе 10 км.

— Черт! — рывкнул сержант Морозов, самый молодой в отряде, прижимая к уху ладонь в толстой рукавице, словно это могло помочь. — «Пульс», ответьте! Где эти чертовы координаты? Вы нам их вчера по защищенному каналу сулили!

Захаров сорвал очки «Тепловик-Н» — они все равно замерзали, превращаясь в две ледышки. Его лицо, обветренное, с жестким ртом и еще молодыми глазами, в которых уже тогда поселилась легкая усталость от происходящего абсурда, на мгновение оказалось открыто стихии. Ледяные крупинки впились в кожу, как крошечные раскаленные иглы. Он моргнул, пытаясь прояснить взгляд, пронизать эту белую тьму.

— Спокойно, сержант. — Голос у него был ровным, но внутри все сжалось в ледяной ком. — Эфир глушат. Неестественно глушат. «Леер-3» — мобильный комплекс — маскирует шум под фоновый.

— Кто? Кому мы тут можем помешать? Морзам? — выдавил Морозов.

Именно тогда из белой мглы прямо перед ними выросла тень.

Низкая, приземистая, нечеловеческих пропорций. Захаров инстинктивно вскинул автомат «АК-74 М», его палец лег на спусковой крючок. Но это был не враг.

Это был их грузовик — арктический вездеход, брошенный ими полчаса назад, когда он напоролся на скрытую полынью и лед под ним начал трещать. Они отошли от него, пытаясь пешком выйти на точку сбора. И теперь он стоял перед ними как призрак, накренившись на пробоину в левом борту.

— Это... невозможно, — прошептал кто-то сзади. — Мы ушли на север. Он остался позади.

Логика, та самая, которую Захаров боготворил, рассыпалась в прах. Они шли по компасу. По сломанному компасу. Их водили по кругу. Водила белая мгла и тот, кто ее контролировал — «Борисоглебск-2», комплекс РЭБ, — искажал магнитное поле.

— Отход! Немедленно! — скомандовал Захаров, и в его голосе впервые зазвучала сталь, но говорил он так, не повинаясь приказу, а из-за инстинкта самосохранения. — Назад к скалам! Ориентир...

Он не успел договорить.

С неба, сквозь вой ветра, ворвался другой звук — нарастающий, свистящий, металлический вой. Знакомый. Слишком знакомый.

— Миномет! — закричал старый прапорщик Леонов, ветеран Афгана, и его крик был полон не страха, а отчаяния, потому что старик знал: в этой мгле укрыться негде.

Первый снаряд ОФ-843 120-мм миномета разорвался в тридцати метрах позади. Снег и лед взмет-

нулись фонтаном, черным на белом. Грохот оглушил. Второй лег ближе. Десять метров. Слева.

— Рассредоточиться! Ложись!

Но лечь было некуда. Только в снег. Глубокий, пористый, бесполезный против осколков ОФ-843.

Третий разрыв пришелся точно в центр их крошечной, заблудившейся Вселенной. Захаров увидел, как сержант Морозов, тот самый, который только что ругался на «Пульс», просто исчез. Не упал, не крикнул — рассыпался в кровавый туман, смешавшийся с ледяной пылью. Осколок размером с ладонь просвистел в считанных сантиметрах от головы Захарова, обдав его лицо градом ледяной крошки и чем-то теплым и липким.

Он не чувствовал страха. Только яростное, всепоглощающее непонимание. Кто? За что? Это же свои!.. Это же учения!..

— «Пульс»! — заорал он в рацию, и его голос сорвался на хрип. — Прекратите огонь! Свои! Мы свои! Вы слышите? СВОИ!

Ответом был четвертый разрыв ОФ-843. Ближе. Его подбросило взрывной волной, отшвырнуло назад, в сугроб. Удар о лед был тупым и безболезненным. Сознание поплыло. В ушах звенело. Он попытался встать, но его нога, правая, не слушалась. Он посмотрел вниз. Комбинезон ниже колена был разорван в клочья. Из раны, темной и глубокой, сочи-

лась кровь, которая на морозе тут же сворачивалась и превращалась в бурую корку.

Он отполз, таща за собой не свое тело, а будто чужой, тяжелый груз. Укрылся за торосом — глыбой спрессованного льда, выброшенной на берег. Отсюда, из-за уступа, он увидел финал происходившего.

Прапорщик Леонов, старый афганец, стоял на коленях в снегу. Он не пытался укрыться. Он снял шлем, и его седые коротко стриженные волосы мгновенно покрылись инеем. Он смотрел в небо, в белую муть, откуда сыпалась смерть, и что-то кричал. Захаров не слышал слов, но видел движение губ. Это было не проклятие. Это была молитва.

Пятый снаряд накрыл Леонова точно.

Когда грохот стих, наступила тишина. Не та, что была до этого, — наполненная воем ветра. А абсолютная. Глухая. Как в могиле. Ветер словно притих, затаился, наблюдая.

Захаров лежал за торосом, прижавшись щекой ко льду. Он не чувствовал холода. Не чувствовал боли в ноге. Он чувствовал только тяжесть. Невыносимую тяжесть семи жизней, которые только что растворились в белой мгле. Семью биографиями, прерванными по чьей-то ошибке. Или *не* по ошибке.

Он поднял голову. Его взгляд упал на тактильный планшет, валявшийся рядом. Экран был разбит, но где-то внутри, в его электронных мозгах еще тепли-

лась «жизнь». На мертвом, потрескавшемся стекле замигал значок. Входящее сообщение. От «Пульса».

Он потянулся, пальцы в перчатке с трудом нашли сенсор. Сообщение было коротким. Всего одна строка, пришедшая с опозданием на пятнадцать минут.

«КООРДИНАТЫ УТОЧНЕНЫ. ЦЕЛЬ: ПОИСК И ОБЕЗВРЕЖИВАНИЕ УСЛОВНОГО ПРОТИВНИКА В КВАДРАТЕ 74-Б-9. ДАЛЬНЕЙШИЕ УКАЗАНИЯ ПОСТУПАЮТ ПО ЗАЩИЩЕННОМУ КАНАЛУ «Глобус-М». ВЫПОЛНЯЙТЕ ПРОТОКОЛ. ПОДТВЕРДИТЕ ПРИЕМ».

Квадрат 74-Б-9. Тот самый квадрат, в котором они сейчас и находились. Квадрат, в который били их же минометы.

«Протокол». Это слово отпечаталось в его сознании раскаленным железом. Они погибли из-за протокола. Из-за слепого, бездушного следования инструкции, отданной кем-то, кто сидел в тепле и даже не знал, что творится на «земле». Они были не солдатами, не людьми. Они были переменными в чем-то уравнении. Расходным материалом.

Он посмотрел на разбитый планшет. На мертвый экран. А потом его взгляд упал на рацию. Лежала рядом, целая. И в его голове, затуманенной болью и шоком, начала складываться картина. Слишком чистая, чтобы быть случайностью. Сбой навигации «ГЛОНАСС-К». Глушение эфира «Красуха-4 М». Точечный, точнейший минометный огонь 2 Б11. Их

вывели на точку. Подставили. И убрали. Как брак в производстве.

Кто-то в «Центре» отдал приказ. Кто-то, для кого они были лишь цифрами в отчете. Для кого правда о провале «Снежного щита» была опаснее, чем семь трупов в арктической пустыне.

Дмитрий Захаров медленно, с нечеловеческим усилием, поднялся на колени. Его тело протестовало, рана в ноге горела огнем, но внутри него что-то замкнулось. Перегорело. Остался только холод. Холод, который был куда страшнее арктического.

Он снял с пояса личный жетон — не свой, а сержанта Морозова, который лежал в двух метрах от него, вернее, то, что от него осталось. Кусок металла с выбитым номером и именем. Он сжал его в кулаке так, что металл впился в ладонь даже через перчатку «Арктик-Про».

— Я найду их. — Его голос был тихим, но в нем не было ни капли сомнения. Он говорил не с мертвыми. Он давал клятву самому себе. Вселенной. — Я найду тех, кто это сделал. И я заставлю их ответить. Перед вами. Перед всеми.

Он посмотрел на север, туда, где должен был быть полюс. Туда, где, как он знал, уже тестировали прототипы новых систем связи. Систем, которые он сам, Захаров, помогал разрабатывать в свободное от службы время. Системы, способные передавать

информацию, которую невозможно перехватить или заглушить.

Один проект особенно выделялся. «Шифр-узел-9». ШУ-9. Детище его собственного ума. Квантовая связь на кубитах, абсолютно защищенная, скорость 10 гигабит в секунду через спутники «Голец-М1». Тот, кто владел ШУ-9, владел правдой. Настоящей, неискаженной правдой.

Именно тогда, в ледяном аду Новой Земли, в мозгу Дмитрия Захарова и родился план. Не план мести — месть слишком примитивна. План возмездия. План обнародования. Он вернется. Он найдет ШУ-9. И он использует его, чтобы крикнуть на весь мир ту правду, которую «Центр» так тщательно скрывал. Он превратит оружие системы в оружие ее уничтожения.

Он стал выкапывать в снегу яму. Неглубокую. До льда. Туда он сложил все, что осталось от его людей. Жетоны. Ключки формы. Обрывки снаряжения. Он не плакал — слезы бы замерзли на его глазах. Он просто работал, методично, как автомат.

Когда импровизированная могила была готова, он встал над ней.

— Протокол, — прошептал он, и это слово звучало как самое страшное ругательство. — Ваш протокол кончился. Начинается мой.

Развернувшись, он, хромая, пошел на юг, ориентируясь по внутреннему чутью, по памяти, по тому,

что осталось от его логики. Он шел, оставляя за собой кровавый след на белоснежном саване Арктики. Он шел, не оглядываясь. Ему было нечего терять. Он уже был мертв. Теперь в его жилах будто застыла кровь.

А ветер, тот самый, что пятнадцать минут назад был, словно скорбя, теперь стих. И в наступившей тишине, нарушаемой лишь хрустом снега под его ботинками, слышалось лишь одно — тиканье невидимых часов. Часов, отсчитывающих время до того дня, когда он, Дмитрий Захаров, вернется. Не как офицер. А как призрак. Как воплощенная совесть системы, пришедшая за своим долгом.

И Арктика, эта безжалостная, равнодушная белизна, хранила его секрет. Она приняла в свои объятия мертвых. И она же отпустила живого мертвеца, дав ему шанс изменить будущее, искупив прошлое. Но искупление, как знал Захаров, никогда не дается даром. За него всегда приходится платить. Собой.

ГЛАВА 1

Атомный ледокол «Вайгач» разрезал двухметровый лед Карского моря с методичной, почти зловещей плавностью. Тысячи тонн стали скользили сквозь ледяное крошево, оставляя за собой черную полыню, которая тут же начинала затягиваться более тонким льдом. Стоя на капитанском мостике, майор Игнат Калинов наблюдал за этим процессом с холодным аналитическим интересом. Лед всегда смыкался. Природа стремилась к равновесию, к забвению. Это был единственный закон природы, который он уважал больше, чем воинский устав.

— Температура за бортом минус сорок два, — доложил вахтенный офицер, молодой капитан-лейтенант с обветренным лицом, сверяясь с метеостанцией. — Давление растет. К утру ждите шторм.

Калинов кивнул, не отрывая взгляда от ледяной пустыни за бронированным стеклом с антиобледенительным покрытием. Его собственное отражение — строгое, с жестко очерченными ртом и глазами, в которых читалась не усталость, а скорее

перманентная концентрация внимания, — накладывалось на пейзаж вечной зимы. Он был одет в легкий темно-синий камуфляж оперативника ГРУ «Шторм-Арктика» без знаков различия. На его груди висел планшет «Эльбрус-8 СВ» с постоянно обновлявшимися криптографическими ключами.

— Статус «изделия»? — спросил он, и его голос, ровный и лишенный эмоций, идеально сочетался с монотонным гулом ледокола.

— ШУ-9 в трюме номер четыре. Температурный режим в норме. Датчики «Тепловик-Н» не показывают отклонений. — Офицер щелкнул переключателем на консоли «Горизонт-М». — «Центр» запрашивает ежечасный отчет. Шифр «Валькирия» через канал «Глобус-М».

— Подтвердите получение. Стандартный протокол, — отчеканил Калинов. — Никаких деталей.

— Есть!

Калинов отвернулся от окна и направился к выходу с мостика. Его шаги были бесшумными, отработанными до автоматизма. Каждый его жест, каждое движение были частью тщательно выверенного алгоритма. Он был не просто офицером. Он был «протоколом», живым воплощением служебной инструкции. Для него не существовало «почему». Существовало только «как».

Спускаясь по узким трапам вглубь корабля, он чувствовал легкое, почти незаметное сжатие в гру-

ди. Клаустрофобия. Его личный демон, тщательно скрываемый недостаток. Он глубже вдохнул прохладный, пахнувший машинным маслом и озоном воздух, заставил легкие работать в заданном ритме. Контроль. Всегда контроль.

Трюм номер четыре был самым защищенным местом на ледоколе. Герметичная стальная дверь с кодовым замком и биометрическим сканером. Калинов приложил ладонь к сенсору, ввел шестнадцатизначный код. Замки щелкнули с тихим шипением.

Внутри царил полумрак, нарушавшийся лишь слабым свечением светодиодных ламп. В центре, на специальной амортизирующей платформе, стоял контейнер. Небольшой, размером с гроб, матово-черный, без опознавательных знаков, — термоконтейнер «Крипто-Бокс». «Шифр-узел-9». ШУ-9. Самое совершенное творение военной криптографии. Квантовый передатчик, способный посылать сообщения, которые в принципе невозможно перехватить или расшифровать. Ключ к абсолютно безопасной связи. Или к абсолютной власти.

Калинов подошел к контейнеру, проверил показания датчиков. Все в норме. Температура, влажность, вибрация. «Изделие» спало. Оставалось лишь доставить его в пункт назначения — на секретную базу «Полюс-7». Простая рутинная операция. «Протокол перевозки особо ценных активов».

Он обошел контейнер; его взгляд скользнул по сварным швам. Идеально. Все было идеально. Как и должно было быть. Он не испытывал ни гордости, ни волнения. Только удовлетворение от правильно выполняемой функции. Он был шестеренкой в огромном механизме. И гордился тем, что зубцы механизма сцеплялись безупречно.

— Майор.

Он обернулся. В дверях стоял старший лейтенант Олег Воронов, Байкал. Высокий, молчаливый, с лицом, которое казалось высеченным из гранита. Снайпер. Специалист по выживанию. Его арктический камуфляж был безупречно чист, но на локте виднелся едва заметный порез — след недавней проверки оружия ОРСИС Т-5000.

— Докладывайте, — сказал Калинов.

— Внешний периметр чист. Радары фиксируют только лед. Эфир забит помехами естественного происхождения. Солнечная активность.

— Естественного? — уточнил Калинов.

— Да, майор. Уровень ионосферных возмущений соответствует прогнозу. Никаких следов РЭБ-подавления.

Калинов кивнул. Все шло по плану. По протоколу.

— Продолжайте наблюдение. Следующая проверка через два часа.

— Есть!

Воронов развернулся и бесшумно скрылся в полумраке коридора. Калинов снова остался наедине с «изделием». Он положил ладонь на холодный металл контейнера. Не было ни трепета, ни благоговения. Только осознание ответственности. Он отвечал за этот ящик. Его задача — доставить его целым. Все остальное было несущественно.

Вернувшись в свою каюту — стерильное помещение с койкой, столом и заблокированным иллюминатором, — он сел перед монитором. Экран был разделен на несколько секторов: карта с маршрутом ледокола «Вайгач» через систему «ГЛОНАСС-К»; данные о погоде с «Метеоролог-Арктика»; зашифрованный канал связи с «Центром» «Глобус-М». И отдельное окно — биометрические показания его собственного организма через датчик. Он был идеальной машиной. И, как всякая машина, требовал регулярной диагностики.

Он взял со стола небольшую потертую фотографию. Единственная личная вещь, которую он позволил себе иметь. На ней — молодой полковник Дмитрий Захаров и он сам, двадцатилетний лейтенант, на фоне песчаных дюн какого-то безымянного полигона. Захаров улыбался, его рука лежала на плече Калинова. «Логика — твой лучший друг, Игнат, — говорил тогда Захаров. — Но не забывай, что у врага тоже есть мозги. Иногда даже очень хорошие».

Калинов положил фотографию на стол. Захаров. Его наставник. Человек, который сделал из него офицера. Пропал без вести пять лет назад во время испытаний в Арктике. Официальная версия — несчастный случай: падение в полынью. Калинов никогда не верил в эту версию. Захаров был слишком умен, чтобы умереть так глупо. Но вера и протокол были разными вещами. Протокол гласил: «Считать полковника Захарова Д. К. погибшим». И он следовал протоколу.

Он закрыл глаза, позволив себе на несколько секунд отключиться. Внутренний монолог — единственное, что оставалось от его личности, — зазвучал в голове с привычной, циничной ясностью. «Ты везешь самый совершенный инструмент для передачи информации — ШУ-9. Инструмент, который мог бы спасти жизни. Который мог бы предотвратить войны. И ты везешь его на секретную базу, где его упрячут в сейф, и, возможно, он никогда не увидит свет. Потому что такова воля «Центра». Потому что так предписывает протокол. А что, если протокол ошибается?».

Он резко открыл глаза. Вопрос был еретическим. Опасным. Логика не терпела сомнений. Либо система работает, либо нет. Либо ты доверяешь алгоритму, либо разрушаешь его. Он — доверял.

Он ввел команду. На экране появился новый набор данных. Отчет о текущем состоянии «изделия»